

Николай Иванович Соболев

*кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sobnick@yandex.ru*

К ВОПРОСУ ИДИОСТИЛЯ И. С. ШМЕЛЕВА: НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОРПУСА С КОРНЕМ -РАД- ПОВЕСТИ «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»*

Аннотация: В статье исследуется лексический корпус с корнем -рад- повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша». Лексический материал систематизируется по принципу функционального тезауруса, исследование которого позволяет локализовать в художественном произведении метатекст (т. е. текст в тексте, образуемый совокупностью связанных между собой значений слов с корнем -рад- и их синонимами), в котором выявляется концепт «радость». Концепт обобщает значения, выраженные в лексике одиннадцати идейно-тематических групп (благая сила, молитва, икона, пространство, свобода/воля, радость, веселье, скука, грусть, любовь, искусство), которые, в свою очередь, объединяются вокруг двух основных коррелирующих тем: сакральное — мирское. Интенции концепта «радости» определяют идейную перспективу повести как текста о духовной жизни героев, в которой главенствует смирение, борьба со страстями, духовные прозрения.

Ключевые слова: концепт, функциональный тезаурус, лексический корпус, семантика, поэтика, художественный образ, тема, идея

Исследование идиостиля является важным аспектом науки о писателе, позволяет определить совокупность формальных и стилистических особенностей авторской речи, определяющих языковой облик художественного произведения. В связи с исследованием творчества И. С. Шмелева вопрос идиостиля ставился неоднократно: в основном исследователи отмечали особенности авторского использования изобразительно-выразительных средств. Настоящая статья призвана расширить научную перспективу этого направления науки о творчестве Шмелева: в исследовании обращается внимание на особенности лексической частотности, характеризующей поэтику идейно-тематического и образно-мотивного уровней художественного произведе-

дения. В качестве материала привлекается речевой пласт с высокой частотностью лексем с корнем *-рад-* (*радостный -ая, радуйся, возрадовался* и т. д.) повести «Неупиваемая Чаша».

В научной литературе содержится несколько замечаний относительного этого языкового и поэтического аспекта повести. По мнению Е. Чигаревой, мотив радости пронизывает все произведение И. С. Шмелева, он связан с идеей христианской духовности, а также связывает образы портрета и иконы [17, 126–138]. Н. И. Мельник полагает, что мотив радости в повести является атрибутом духовной жизни, мотив «связывается непосредственно с главным предметом изображения: со святыми, одно из подтверждений своих мыслей Н. И. Мельник видит в цитировании И. С. Шмелевым «слов акафиста» [11, 45–49]. И. Г. Минералова считает, что «смысл таких слов, как Любовь и Радость, в повести читается в отражении еще одного слова — Красота. Именно красота, а не прекрасное, несущее некую избыточность, сверхмерность, не *прелесть* — искушение, а именно Красота, как она понимается Ф. М. Достоевским» [12, 2–8]. Н. Ю. Желтова также указала на влиянии акафиста Пресвятой Богородице на повесть И. С. Шмелева, откуда заимствован рефрен «радуйся». Исследовательница полагает, что «в повести И. С. Шмелева раскрывается национальная концепция красоты, ее нравственное содержание. <абзац> Ключевой составляющей концептосферы русской красоты в «Неупиваемой Чаше» выступает концепт *радость*. Он составляет художественную основу поэтики «радостной святости», к фокусу которой сводится вся система изобразительных средств произведения. По Шмелеву, радость синонимична чувству духовного освобождения и возвышения» [6, 18–25]. Итак, в научной литературе радость как элемент поэтики повести «Неупиваемая Чаша» рассматривается в широком спектре духовных и эстетических идей, общей тенденцией является указание на его концептуальный, системообразующий характер для всей поэтики повести, отождествление с мотивом духовности, для его обозначения используются различные термины: мотив, тема, концепт.

На наш взгляд, радость как элемент поэтики требует более детального и дифференцированного подхода, в частности, это обусловлено тем, что исследователи в своих выводах опираются на эпизодический, несистемный анализ лексического корпуса с корнем *-рад-*, ограничиваясь, по сути, субъективными замечаниями; действительно, лексемы этой группы наиболее частотны в тексте повести — всего эта группа насчитывает 106 словоформ четырех частей речи (глаголы — 27, наречия — 25, прилагательные — 24, существительные — 30), но далеко не все они выражают значения, связанные с эстетикой или этикой, многие словоформы обозначают положительные или отрицательные эмоции героев, обиходные предметы и т. п., помимо этого в тексте повести встречается лексика, синонимичная или семантически близкая словам с *-рад-*, поэтому синонимы также должны учитываться при анализе поэтики радости.

В плане методологии и терминологической традиции, используемой для описания предмета исследования — радости как элемента поэтики — наиболее удачным, на наш взгляд, является научный подход, использованный Н. Ю. Желтовой. Исследовательница анализирует «поэтику радостной святости» в рамках когнитивной семантики, радость описывается как элемент «концептосферы русской красоты».

Указанный научный подход дает возможность обобщить очень разнородный по своему характеру материал, локализованный в тексте произведения на лексико-семантическом уровне, — это как раз тот случай, с которым встречается исследователь при более глубоком соприкосновении с поэтикой радости в повести «Неупиваемая Чаша». К сожалению, исследовательница в выводах опирается лишь на эпизодично, несистемно рассмотренный материал, чем обедняет, сужает перспективу своих изысканий, обесценивает выводы. Так, за пределами научного осмысления остается область христианской традиции, литературной формы, поэтики образов; на анализе этих художественных особенностей поэтики радости мы остановимся в настоящем исследовании.

С. А. Аскольдов-Алексеев, впервые предложивший термин «концепт», следующим образом определял обозначаемое им

явление: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода... Он (концепт. — Н. С.) может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт "справедливость"» [2, 28–44]. Идея Аскольдова была развита в различных областях гуманитарного знания, лингвопоэтические аспекты анализа значения концепта были осмыслены в работах Д. С. Лихачева [9, 3–9], В. В. Колесова [8, 16–25], В. Н. Телия [16]. В частности, Лихачев полагал, что «концепт существует не для самого слова, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно», ученый также предложил «считать концепт своего рода "алгебраическим" выражением значения ("алгебраическим выражением", или "алгебраическим обозначением"), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи», концепт «в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, "дофантазирования" и для эмоциональной ауры слова» [9, 4–5]. Схожие идеи высказали Колесов и Телия. Таким образом, концепт реализует заместительную, или, по терминологии Аскольдова, подстановочную функцию языка, включая в свое семантическое поле все многообразие значений, фиксирующих в тексте произведения признаки денотата и сигнификата.

Радость в качестве концепта в тексте повести «Неупиваемая Чаша» раскрывается совокупностью тем, которые можно объединить в две группы: 1) *темы, связанные с сакральными догматико-вероучительными идеями*: икона, пространство, молитва, благая сила, божественная энергия (благодать); 2) *темы, описывающие приземленную, профанную повседневность, сквозь которую просвечивает вечность, «бытие сквозь быт»¹*: детали повседневной жизни, веселье, скука, свобода, природа, жизнь; искусство, эмоции, любовь. На лексическом уровне концепт радости выражен, прежде всего, словами с корнем -рад-, а также их узуальными и окказиональными синонимами.

Несмотря на некоторую лексическую общность, каждая идейно-тематическая группа имеет характерный только для

нее языковой облик. Проанализируем их по отдельности на основании структурного описания (функционального тезауруса)², выявим функциональные связи, проанализируем идейно-тематический и образный уровни произведения, образуемые этими лексемами, опишем особенности авторского идиостиля, выявим возможные источники, повлиявшие на языковой и речевой строй повести.

1. Лексика, выражающая сакральные догматико-вероучительные значения:³

Функциональный тезаурус (*тема*: <пояснение> цитатный контекст):

Благая сила, божественная энергия (благодать): <архидьякон> «Тысячи путей Господней благодати, народ жаждает радости» (93), <состояние Ильи после видения, действие благодати> «боялся и радовался» (102), <монахи> «радовались о Господѣ», <монахини> «И когда трапезовали сестры, — радостно смотрѣли на икону» (142), <видение> «вскинулъ Илья глазами и въ страхѣ и радости несказанной» (122), «зарницы, что открылись ему въ тиши разсвѣта и радостно опалили душу» (138), <обращение Богородицы> «Встань, Мартынь убогий, и ходи! и радуйся» (144), <Действие иконы на верующих> «Чуютъ только, что радостное нисходитъ въ душу» (146); <Арефий> «Благодать Божія на немъ... произволеніе!» (100).

Молитва: <молитвословие Арефия> «ра-а-дуйся, Иерусалиме» (101), <о молитвословии Арефия> «радостную пѣсню Церкви» (101), «И запѣлъ радостно: "красуйся-ликуй и радуйся"» (113), <акафист Богородице> «и поютъ радостными голосами — "радуйся, Чаше Неупиваемая!"» (145), <крестный ход> «падаютъ подъ нее на грязную землю тысячи изболѣвшихъ душою, ищущихъ радостнаго утѣшенія» (145).

Икона: <об иконе преп. Арефия> «сдѣлать на прощанье Арефію радость» (103), <Илья осматривает свою иконописную работу> «Смотрелъ Илья, и больше радовалась душа его» (121), <здесь и далее об иконе Неупиваемая Чаша> «что обрадовало его во дни жизни, — вотъ красота Господня» (122), «иной смотрѣла она, радость неиспиваемая» (138), «Все,

что когда-то узналъ Илья: радости и страданія, земля и небо, и что на нихъ» (138), «Степашка смотрѣль и сказалъ — радостная» (142), «увидаль ту икону, радостную Неупиваемую Чашу» (143), «Не могъ отвести умиленнаго взора убогій Мартынь отъ радостнаго лика Пречистой Неупиваемой Чаши» (143), «И увидаль я Радостную, съ золотой Чашей» (144), «не могъ отвести взора отъ неописуемо-радостнаго Лица» (145), «свѣтло взирающая съ Золотой Чашей, радостная и влекущая за Собой» (145), «Радостно и маняще взираетъ на всѣхъ» (146), «и на нихъ радостно взираетъ «Неупиваемая» (146).

Пространство: «Радостнымъ, несказаннымъ раскинулся передъ нимъ Миръ Божій» (109), «Радовался на все Илья и думаль: сколько всего на свѣтѣ» (114).

Комментарий

Лексические группы тем *Благая сила*, *божественная энергия* (*благодать*) и *Пространство* создают в повести контекст, вводящий читателя в мир православной религиозности. Слова с корнем -рад- выражают радостное мироощущение соприсутствия Бога и сопричастности к делу божественного домостроительства⁴. Поэтому образы положительных героев повести определяются их религиозным обликом. Образ Ильи определяется такими чертами, как: *целомудрие* (в детстве и юности, а затем после возвращения из Италии Илья проходит через блудные искушения в барском доме), *стяжание в страданиях веры* (страдания, прежде всего духовные — одна их основных тем повести, раскрывающая образ Ильи в перспективе житийного жанра), *смирение и покаяние* (наиболее ярко эти характеристические черты главного героя выражены в центральной и заключительной частях повести, когда герой, искушаемый сначала свободой, а затем любовью смиренно принимает свою долю), *способность к Богообщению* (в тонких снах и видениях Илья познает «красоту Господню», а затем являет ее миру). Добродетели Анастасии: *целомудрие* (несмотря на взаимные чувства, Анастасия отстраняет Илью, не давая возможности усомниться в своей верности мужу, и тем самым духовно облагораживает и Илью), *смирение* (Анастасия до конца смиренно, по-христиански, исполняет долг супруги и матери, несмотря на из-

мену мужа). В образах живописного мастера Арефия, солдата Мартына, диакона Каплюги, монахинь выражена идея *сердечной веры*, в образе архиерея — *просвещенной веры*.

2. Лексика, выражающая значение «бытие сквозь быт»

Уже говорилось о том, что слова, выражающие концепт радости раскрывают не только богословско-вероучительный контекст произведения. Действительно, в повести слова с -рад- и их синонимы также могут быть связаны с вполне обыденными, профанными темами. Систематизируем эти слова на основе функционального тезауруса, затем сопоставим на основе внутритекстовой смежности сакральную и профанную лексику с -рад- и ей синонимичную, выявим ее идиостилистическую и тематическую корреляцию.

Свобода/воля: «Все радостное и свѣтлое было въ тепломъ краю» (112); «И посмотрѣлъ на нее свободно, какъ недавно въ паркѣ. Упали путы съ души, и почувствовалъ онъ себя вольнымъ и сильнымъ. Спросилъ смѣло: Завтра начать можно?»; «Взлетѣ души и взмахѣ ея вольныхъ крыльевъ позналъ Илья и неиспываемую сладость жизни». «Усмѣхнулся баринъ. Сказалъ по-особенному: Научился говорить вольно?»; «Тогда прошло онѣмѣніе, будто путы спали съ Ильи, и сказалъ онъ вольно: По св. Писанію такъ: "легче верблюду пройти..." и "блаженни нищѣ духомъ..." Такъ трактовали: Карпачіо...»; <обиходные названия> «большой корабль въ парусахъ, — было у него имя — Летиція; значило это имя — Радость» (114); «Товаръ радостный везъ тотъ корабль» (114); «Радостно-нежданная была та встрѣча» (114).

Эмоции, чувства:

А. *Радость* <о песне> «Радовался Илья, выносили подголоскомъ» (97); <слова архиерея> «народъ жаждаетъ радости» (93); <Арефій> «показывалъ радостно» (100); «Восклицалъ радостно, Крестился Аретій отъ радости» (100); «заплакалъ Илья отъ радости»; <Арефій> «вскричалъ радостно» (103); «молился баринъ. Радовался Илья» (106); «И обрадовался Илья» (107); <в Италии> «Ново и радостно было Ильѣ» (108); «Обрадовался Илья зимѣ: приносить зима здоровье» (140); <встреча>: «Радостно-нежданная была та встрѣча» (115);

<описание Анастасии> «Радостно-благодарящій былъ этотъ взглядъ, ласкающій и теплый» (135); <о Мартыне> «Просьба его съ радостью была исполнена» (143); <о чуде> «Не смѣя радоваться, спрашивали ее: откуда знаетъ?» (144); <игуменья> «обливаясь радостными слезами» (144).

Б. *Веселье* <слова молодого барина> «Не умѣете жизни радоваться, и мнѣ черезъ васъ радости нѣтъ» (106); «Даже требовалъ отъ него баринъ ходить нагимъ и смотрѣть весело»; «Стало при немъ много веселѣй. Старый медвѣдемъ жилъ, не водился съ сосѣдями; а молодой погналъ пиры за пирами»; <о празднике в Италии> «жгли огни съ выстрѣлами: радовались» (112); «Веселый стоялъ баринъ на бережку»; «Услыхалъ Илья, какъ говоритъ весело баринъ»; <слова молодого барина> «А вотъ обучу тамъ Илью, — онъ и распишетъ... Будете веселѣй молиться»; <ученики Терминелли> «Были они парни веселые и не любили сидѣть на мѣстѣ»; <об Италии> «Пѣсенъ веселыхъ много послушалъ онъ»; «Черные греки и веселые итальянцы были на немъ корабельщики и пѣли пѣсни: радовались, что счастливый вѣтеръ»; <Панфил-шорник> «тотъ турокъ и весело посмѣивался зубами»; <о Сафо-Соньке> «Свели ее куда въ домъ веселый»; «Ты чего, Илья, нонче такой веселый?»; <об Италии> «Старые камни вспомнилъ, бѣлыя дороги, веселыя лица, соборы, радостныя пѣсни»; <о ярмарке> «веселаго свѣжаго щепного товару»; <барин> «Взялъ въ дорогу, чтобы не скучно было, глупенькую Сафо-Соньку».

В. *Скука* (*отсутствие веселья*): <барин> «не для радости какой ѣдетъ, а от великой скорби: скушно ему глядѣть на темную жизнь, никогда веселаго лица не видать» (108); «Слышалъ Илья — опять заскучалъ баринъ»; <дачники в доме Ляпуновых> «Оглядываютъ портреты: тупеи, тугіе воротники, глаза навывкатъ, насандаленные носы, парики — скука».

Г. *Грусть* «Необъятность видѣлъ Илья въ темнѣющей глубинѣ ихъ, — необъятность святого свѣта. Не могъ онъ назвать, что видѣлъ. Радость? Но и печаль, свѣтлую грусть въ нихъ чуялъ Илья, и была эта грусть прекрасна» (138).

Любовь: «то, что радостно опаляетъ душу» (123); «Радостный и смущенный смотрѣлъ Илья» (123); «Увидаль на полу

полевою гвоздичку, которую она держала въ рукѣ, и подняль радостно» (125); «боялся и радовался ее увидѣть» (125); «Радостно Ильѣ стало: всѣ дни смотрѣла она на него кротко» (136); <Ильѣ> «то обнималъ его страхъ темный, то радость безмѣрная замирала въ сердцѣ» (136).

Искусство: <из описания портрета> «радостно плещущіе глаза» (90); «Но тамъ, если я напишу св. Цицилію, будутъ радоваться» (112); «Радовать хочу васъ, вотъ и пишу веселыхъ» (120); <Анастасія> «радостные глаза-звѣзды» (123); <портрет Анастасіи> «ея неопредѣлимые глаза, льющіе радостное, казалось ему, сіяніе» (124), «другіе глаза стали. И стали они другіе, когда сталъ бросать углемъ, — менялись: радостные они были» (137); «потянулась эта радостно опаляющая душу пытка» (137); <о портрете Анастасіи> «съ ея лицомъ и радостно плещущими глазами» (138); <об Анастасіи> «И темныя, бархатныя брови приняль, темныя радуги надъ бездоннымъ моремъ, и синія звѣзды» (126).

Комментарий

В представленном тезаурусе наиболее частотными являются лексемы, связанные с описанием широкого спектра эмоций и чувств героев и повествователя. Индивидуально авторской особенностью словоупотребления является расширение семантического поля слов с корнем *-рад-* и синонимов, которые выражают не только прямые значения (душевное, духовное удовлетворение, веселье)⁵, но и переносные значения, антонимичные основным (отсутствие веселья, духовное томление). Таким образом, в тексте эта лексика создает тематический контекст, выражающий полярные эмоциональные состояния. Контекст характеризуется двумя бинарными оппозициями: *веселье — скука, радость — грусть*.

В лексико-графической традиции, кодифицирующей узловые значения, понятия *веселье* и *радость*, а также *скука* и *грусть* синонимичны⁶, в повести их семантический план изменен. Эта идиостилистическая особенность повести раскрывается из соотнесения указанных бинарных оппозиций с образной структурой произведения: оппозиция *радость — грусть* встречается в описаниях и характеристиках образов крестьянского мира Ляпуновки, Ильи, иконописного масте-

ра Арефия, монахинь, богомольцев, Анастасии, исцеленного Мартына; *веселье* — *скука* — в образах отца и сына Ляпуновых, дачников, учеников итальянского художника Терминелли. Выделенные на основании лексико-семантических принципов группы образов в идейной структуре произведения также противопоставлены. Первая группа образов представляет православный русский мир, выражающий идеи духовности, народности, почвенничества, церковности, вторая объединяет образы провинциального дворянства и интеллигенции, устойчивыми характеристиками которых в повести является духовное растрепывание, гордость, оторванность от народа, отсутствие национальной идеи. Следовательно, в этом же смысловом контексте следует понимать и лексические оппозиции *радость* — *грусть*, *веселье* — *скука*, которые в тексте повести выполняют соответственно функции позитивных и негативных лексических маркеров, противопоставляющих духовное профанному, народное светскому.

Тема *свободы* — *воли* в повести создается совокупностью слов, обозначающих обиходные предметы, явления, действия и т. д. Характерной языковой особенностью контекста, образуемого этими словами является необычная, окказиональная лексическая сочетаемость, метафоризирующая текст: «товаръ радостный», «все радостное», «радостно-нежная». Окказиональность дискурса в анализируемых отрывках в большей степени раскрывает эмоциональное состояние повествователя, нежели объект повествования. Повествователь словно бы побуждает читателя пережить радостные чувства от ощущения свободы, испытываемые главным героем здесь и сейчас. Таким образом, создается художественная условность, помогающая читателю понять мироощущение главного героя. Это мироощущение свободного человека и свободного художника. Итальянский наставник Ильи, Терминелли, пожалуй, лучше других, хотя и не до конца, понял мироощущение своего ученика: «Эта святая Цецилія не хуже Ватиканской! Она лучше, Илья! Она — святая. Нѣтъ, ты не рабъ, Илья!» — восклицает наставник, глядя на икону кисти своего ученика. Истинный художник, постигший красоту в такой степени, что может выразить в красках непости-

жимую идею боговоплощения — святость, по Терминелли, не может быть рабом. Тем удивительнее для итальянского живописца, что Илья решает вернуться на родину, в рабство. Сознание итальянца не может вместить того, что для Ильи свобода — это не только воля, но и состояние постоянного духовного становления через противление греху и делание добра, которое вне родины невозможно, ибо в служении народу видит смысл своей жизни Илья, памятуя напутственные слова своего первого учителя живописи Ивана Михайловича: «Помни, Илья: народъ породилъ тебя — народу и послужить долженъ». Итак, в повести слова «свобода» и «воля» коррелируют лишь в отдельных коннотациях: разноипостасно, но в то же время нераздельно выражают идею духовной свободы, радости духовного служения.

Небольшая группа слов с -рад- описывает чувство любви Ильи к Анастасии, в основном это эпитеты, передающие чувства главного героя через разные проявления радости. Повествователь ни разу не использовал слово «любовь». Он словно бы сакрализует чувства главного героя, показывая его причастником святости, которой можно любоваться, преклоняться, но нельзя желать. В этой части повести присутствует сублимированное влияние философии В. Соловьева и младосимволистов⁷.

Парадный портрет Анастасии, равно как и иконы, написанные Ильей в итальянской манере, — это форма поклонения идеальной возлюбленной, поэтому лексемы с -рад-, составляющие тематическую группу *Искусство*, выражают не только особенности эстетического воздействия живописи главного героя, но и передают чувства автора к предмету своего эстетического поклонения.

Таким образом, лексические группы *Любовь* и *Искусство* объединены идейно-тематическим контекстом, определяющим одну из составляющих творчества главного героя — живопись. Живопись Ильи так же чувственна и субъективна, как живопись Возрождения. На первый взгляд может показаться парадоксальным, не соответствующим повествовательной логике отнюдь не христианское отношение художника к предмету своего обожания: «Напишу тебя, не-

бывшая никогда! И будешь!» (136) — мысленно обращается Илья к своей госпоже. В Анастасии герой хочет видеть неземное совершенство, а сам, подобно Творцу, «небывшую никогда» (в идеальном смысле) земную женщину соделывает частью непреходящего искусства, словно бы воплощая максимуму *vita brevis, ars longa*. Но в этической и эстетической концепции автора повести работа Ильи над портретом Анастасии — это необходимое испытание искусством через «покоряющія (Илью. — Н. С.) плотскія силы» (138). Церковнославянское слово «плотский», или «плотской», означает «телесный, бренный, животный; плотские силы — похоти, вожделения, страсти, подталкивающие к плотской жизни»⁸. Показательно, что повествователь использует церковнославянскую лексику, неразрывно связанную с религиозным мировоззрением, чтобы выразить противление главного героя страсти. Одновременно с портретом Анастасии Илья пишет икону Неупиваемая Чаша, которая стала для него «защитой свѣтлой... оплотомъ отъ покорявшей его плотской силы» (138). Илья приобретает облик истинного христианина, в своих духовных страданиях он преображает эрос, восходя к любви-агапе, тем самым воплощая в себе синергию Божественной и человеческой воли, именно таких людей Церковь называет истинными иконописцами.

Примечания

- * Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.
- ¹ Терминологическая метафора заимствована из работы: У. К. Абишевой (Абишева У. К. 2004, 80—96).
  - ² Структурное описание художественного мира произведения через построение частотного тезауруса эффективно в исследовании, прежде всего, локальных лингвопоэтических закономерностей формального (парадигматического) и функционального (синтагматического) тезауруса. Впервые проблему лексико-поэтического описания произведения поставил Б. И. Ярхо [18, 197—226], в 60—80-х гг. XX в. это направление филологической науки активно развивалось и нашло выражение, в частности, в опытах построения частотных словарей художественных произведений М. И. Борецкого и А. А. Кроника [3, 453—461], [4, 157—168], М. Л. Гаспарова [5, 416—433] и др. В насто-

ящем исследовании автор опирается на научно-методологический аппарат, разработанный в рамках указанного научного направления, а также этнопоэтики (В. Н. Захаров [7]), тезаурусного метода (Вал. А. Луков, Вл. А. Луков [10], семиотики и когнитивной семантики (С. А. Аскольдов-Алексеев [2], Д. С. Лихачев [9], В. В. Колесов [8], В. Н. Телия [16], Степанов Ю. С. [15]).

- ³ Текст повести «Неупиваемая Чаша» цитируется по первому прижизненному изданию (Шмелев И. С. // Литературный сборник Отчизна. Симферополь: Рус. книгоизд-во в Крыму, 1919. С. 89—147), номера страниц указываются в скобках после цитаты.
- ⁴ Осуществление Божественного замысла спасения человечества в истории.
- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.: репринт изд. 1880–1882. М.: Терра, 1994. Т. 4. С. 8.
- ⁶ Даль В. И. То же. Т. 1. С. 401; Т. 4. С. 212; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2007. С. 660; С. 751.
- ⁷ Исследование творческой истории повести показывает, что в процессе создания произведения И. С. Шмелев изменил его замысел: в первых трех редакциях он стремился показать «одухотворяющую силу красоты (понятую в духе философии В. Соловьева), людей, преобразенных красотой, их творческие порывы, свершения», в следующих редакциях он в целом отказался от этой идеи, в то же время некоторые частные аспекты поэтики повести несут отпечаток первоначального замысла. (См.: Соболев Н. И. [13], [14]).
- ⁸ Даль В. И. То же. Т. 3. С. 129.

Список литературы

1. *Абишева У. К.* «Бытие сквозь быт»: (к проблеме эволюции творчества И. С. Шмелева 1900—1910-х гг.) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 2. С. 80—96.
2. *Аскольдов-Алексеев С. А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Л.: Academia. 1928. Вып. 2. С. 28—44.
3. *Борецкий, М. И.* Художественный мир и частотный словарь поэтического произведения (на материале античной литературы) // Известия АН СССР: Серия лит. и яз. 1978. № 4. С. 453—461.
4. *Борецкий М. И., Кроник, А. А.* Опыт анализа некоторых сторон социально-психологической атмосферы античной басни (Федр, Бабрий, Авиан) // Вестник древней истории. 1978. № 2. 157—168.
5. *Гаспаров М. Л.* Художественный мир М. Кузьмина: Тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 2 т. М.: Языки, 1997. С. 416—433.

6. *Желтова Н. Ю.* «Наша красота не красота, как Бог, а Бог как красота»: поэтика «радостной святости» в «Неупиваемой Чаше» И. С. Шмелева // *Русская словесность*. 2004. № 8. С. 18—25.
7. *Захаров В. Н.* Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
8. *Колесов В. В.* Концепт культуры: образ — понятие — символ // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Серия 2. 1992. Вып. 3. № 16. С. 16—25.
9. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // *Русская словесность*. Антология. М.: Academia, 1997. С. 3—9.
10. *Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. 784 р.
11. *Мельник В. И.* Радость: христианское понятие и художественный мотив: «Неупиваемая Чаша» И. Шмелева // *Литература и культура в контексте христианства*. Ульяновск, 2002. С. 82—84.
12. *Минералова И. Г.* «Неупиваемая чаша» И. С. Шмелева: стиль и внутренняя форма // *Литература в школе*. 2003. № 2. С. 2—8.
13. *Соболев Н. И.* Из творческой истории повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» // *Проблемы исторической поэтики*. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 7. С. 328–342.
14. *Соболев Н. И.* Повесть И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша»: творческая история, поэтика, текст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 304 с.
15. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 989 с.
16. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
17. *Чигарев Е.* Заметки о музыкальной (мотивной) организации повести Ивана Шмелева «Неупиваемая чаша» // *Двенадцать этюдов о музыке: к 75-летию со дня рождения Евгения Владимировича Назайкинского*: Сб. ст. М.: Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 2001. С. 126—138.
18. *Ярхо Б. И.* Методология точного литературоведения (набросок плана) // *Контекст: Лит.-теорет. исслед.* М.: Наука, 1984. С. 197—236.

Nikolay Ivanovich Sobolev

*Ph.D. in Philology,
the Senior Teacher of the Department of
Russian Literature and Journalism,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
sobnick@yandex.ru*

**ON THE PROBLEM OF I. S. SHMELEV'S IDIOSTYLE:
BASED ON THE STUDY OF LEXIS WITH THE ROOT -RAD-
IN THE SHORT NOVEL *THE INEXHAUSTIBLE CUP***

Abstract: The article analyzes the lexemes with the root -rad- in the short novel *The Inexhaustible Cup* by I. S. Shmelev. Lexemes are systematized on the basis of functional thesaurus. In the process of analysis there is detected of the concept of «Joy». The study of the Joy's concept enables us to make important observations in the field of Church liturgical tradition, a literary form, poetics images in the investigated text.

The concept generalizes the values contained in the lexicon of the eleven ideological and thematic groups (the good force, prayer, icon, space, freedom/will, pleasure, fun, boredom, sadness, love, art), which are grouped into two main correlated topics: the sacred and the secular. The intention of the concept of joy defines the ideological perspective of the tale as the text of the spiritual life of the heroes.

Keywords: concept, functional thesaurus, lexeme, semantics, poetics, artistic image, theme, idea, idiostyle

References

1. Abisheva U. K. «Bytie skvoz' byt»: (k probleme evolyutsii tvorchestva I. S. Shmeleva 1900–1910 godov [“Eternal Life through Household Life” (To the Problem of Evolution of I. S. Shmelev’s Works 1900–1910)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [*Bulletin of Moscow State University. Ser. 9. Philology*], 2004, no. 2, pp. 80–96.
2. Askol'dov-Alekseev S. A. Koncept i slovo [Concept and Word]. *Russkaya rech'. Novaya seriya* [*Russian Speech. New Series*]. Leningrad, Academia Publ., 1928, issue 2, pp. 28–44.
3. Boretskiy M. I. Khudozhestvennyy mir i chastotnyy slovar' poeticheskogo proizvedeniya (na materiale antichnoy literatury) [Artistic World and a Frequency Dictionary of a Poetic Work (Based on the Ancient Literature)]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR: Seriya literatury i yazyka* [*Proceedings of the USSR Academy of Sciences: Ser. Literature and Language*], 1978, no. 4, pp. 453–461.

4. Boretskiy M. I., Kronik A. A. Opyt analiza nekotorykh storon sotsial'no-psikhologicheskoy atmosfery antichnoy basni (Fedr, Babriy, Avian) [Experience of the Analysis of Some Aspects of the Social and Psychological Atmosphere of Ancient Fables (Phaedrus, Babri, Avian)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*], 1978, no. 2, pp. 157–168.
5. Gasparov M. L. Khudozhestvennyy mir M. Kuz'mina: Tezaurus formal'nyy i tezaurus funktsional'nyy [Kuz'min's Artistic World: Thesaurus Formal and Thesaurus Functional]. *Gasparov M. L. Izbrannyye trudy v 2 tomakh* [*Gasparov M. L. Selected Works in 2 Vols*]. Moscow, Yazyki Publ., 1997, vol. 2, pp. 416–433.
6. Zheltova N. Yu. Nasha krasota ne krasota, kak Bog, a Bog kak krasota: poetika "radostnoy svyatosti" v "Neupivaemoy Chashe" I. S. Shmeleva [Our Beauty is not the Beauty as God, but God as Beauty: The Poetics of "Joyful Holiness" in Ivan Shmelev's "The Inexhaustible Cup"]. *Russkaya slovesnost'*, 2004, no. 8, pp. 18–25.
7. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty* [*The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects*]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 264 p.
8. Kolesov V. V. Kontsept kul'tury: obraz – ponyatie – simvol [The Concept of Culture: the Image – the Concept – the Symbol]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2* [*Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 2*], 1992, issue 3, no. 16, pp. 16–25.
9. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian Language]. *Russkaya slovesnost'. Antologiya* [*Russian Literature. Anthology*]. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 3–9.
10. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. *Tezaurusy: Sub"ektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya* [*Thesaurus: Subjective Organization of the Humanities*]. Moscow, National Institute of the Business Publ., 2008. 784 p.
11. Mel'nik V. I. Radost': khristianskoe ponyatie i khudozhestvennyy motiv: «Neupivaemaya Chasha» I. S. Shmeleva [Joy: Christian Concept and Artistic Motif: "Inexhaustible Cup" by I. S. Shmelev]. *Literatura i kul'tura v kontekste khristianstva* [*Literature and Culture in the Context of Christianity*]. Ul'yanovsk, 2002, pp. 82–84.
12. Mineralova I. G. «Neupivaemaya chasha» I. S. Shmeleva: stil' i vnutrennyaya forma ["The Inexhaustible Cup" by I. S. Shmelev: Style and the Internal Form]. *Literatura v shkole* [*Literature in School*]. Moscow, 2003, no. 2, pp. 2–8.
13. Sobolev N. I. Iz tvorcheskoy istorii povesti I. S. Shmeleva «Neupivaemaya Chasha» [From the Creative History of I. S. Shmelev's Short Novel "The Inexhaustible Cup"]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012. Vol. 10. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XX vekov*:

- tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 7, pp. 328–342.
14. Sobolev N. I. *Povest' I. S. Shmeleva «Neupivaemaya Chasha»: tvorcheskaya istoriya, poetika, tekst* [I. S. Shmelev's Short Novel «Inexhaustible Cup»: Creative History, Poetics, Text]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 304 p.
  15. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Academic Project Publ., 2001. 989 p.
  16. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij, kul'turologicheskij aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, Cultural Aspects]. Moscow, School "The Language of Russian Culture" Publ., 1996. 284 p.
  17. Chigarev E. *Zametki o muzykal'noy (motivnoy) organizatsii povesti Ivana Shmeleva «Neupivaemaya chasha»* [Notes About the Music (Motivic) Organization of Ivan Shmelev's Short Novel «Inexhaustible Cup»]. *Dvenadtsat' etjudov o muzyke: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Vladimirovicha Nazaykinskogo* [Twelve Etudes About Music: the 75th Anniversary of Eugene Nazaykinskiy]. Moscow, Moscow State Conservatory named for P. I. Tchaikovsky Publ., 2001, pp. 126–138.
  18. Yarkho B. I. *Metodologiya tochnogo literaturovedeniya (nabrosok plana)* [Methodology of Precise Literary Criticism (Draft Plan)]. *Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context: The Literary-theoretical Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 197–236.